

А.Н. Дмитриев

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: УНИВЕРСИТЕТСКИЕ РЕФОРМЫ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА¹

Три с половиной года войны стали для российской высшей школы не только временем существенных потерь, но и периодом важных и существенных перемен как в организации и содержании преподавания, так и в отношениях с обществом в целом. Парадоксальным образом, именно военный период стал началом реализации многих важных реформаторских начинаний — и потому особенно интересен для анализа государственной политики, настроений студенчества и преподавательского корпуса, взаимоотношений общества, науки и власти.

Кроме того, Первая мировая война оказалась важнейшим рубежом в развитии науки, особенно в плоскости ее институционального строительства и международной кооперации. Эта перемена также связана с трансформацией российской науки в науку советскую, вместе с изменением самого контекста европейского и мирового научного развития. За первую треть XX в. российская наука совершила огромный прорыв вперед, даже на фоне общего ускоренного и революционного научного развития в Европе и Америке². Принципиально изменился международный статус российской науки и характер ее связей с зарубежными научными сообществами.

Начиная с Петра Великого и вплоть до 1880–1890-х гг. влияние немецкой науки в России традиционно было преобладающим (в том числе за счет проживавших в стране и Петербурге этнических немцев, к числу которых принадлежали и многие сотрудники Академии наук и профессора университетов)³. Хотя к началу XX в. влияние так называемой «немецкой партии» в Императорской академии наук сходит на

¹ Этот текст подготовлен в рамках исследовательского проекта «Немецкие и русские университеты в Первой мировой войне», финансируемого Volkswagen-Stiftung.

² См. подробнее о русской науке первых десятилетий XX века: Наука и кризисы / Под ред. Э.И. Колчинского. СПб., 2003.

³ *Старостин Б.А.* Петербургская Академия наук в поисках национальной идентификации // Российская Академия наук. 275 лет служения России. М., 1999. С. 259–321.

нет, возрастает роль Германии для русских ученых как примера, образца для систематического научного строительства. Именно тогда Германия занимала место ведущей научной державы мира, опережая Францию, Англию, Италию и США не в целом, но по совокупности разных параметров: уровню организации исследований, качеству аппаратуры и материалов, объему академической библиографии, за счет развитой сети академических коммуникаций: научных конференций и периодики. Однако совершенно неверно воспринимать российскую науку довоенного времени как зависимую или периферийную относительно немецкой. Так, просветительская идеология большей части российской академической интеллигенции была в описываемый период схожа с радикальным мировоззрением французских интеллектуалов-республиканцев, а не с немецким «мандаринским» идеалом государства — гаранта культурных ценностей (описанного в известной книге Фрица Рингера «The Decline of the German Mandarins: The German Academic Community»)⁴. Несмотря на свой статус государственных служащих одного из императорских ведомств, российские академические интеллектуалы рассматривали свою ученую деятельность в университетах или в системе Академии наук как служение народу и содействие прогрессу общества. Они ориентировались на политические идеалы конституционной демократии⁵.

Интеллектуальная мобилизация российской науки

Помимо довольно формализованных контактов на уровне структур академий наук и международных конгрессов, «республика ученых» в начале XX в. существовала в качестве относительно единого университетского рынка, особенно для выходцев из Восточной Европы и России, по тем или иным причинам не могущим получить высшее образование у себя на родине. В немецких университетах с начала века постоянно увеличивалась российская студенческая диаспора (где были широко представлены те группы населения Российской империи, доступ которых в университеты царской политикой был сознательно ограничен: женщины, евреи, поляки, а также члены радикальных партий). Растущий наплыв российских студентов вызывал недовольство

⁴ *Vucinich A.* Science in Russian Culture 1861–1917. Stanford, 1970.

⁵ *McClelland J.* Autocrats and Academics: Education, Culture and Society in Tsarist Russia. Chicago, 1979. P. 76–79; *Kassow S.D.* Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989. P. 37–46, 207–237.

как немецких студентов, не желавших конкуренции, так и, в конечном счете, руководства университетов (например, в Галле и Гёттингене). Это привело к введению, начиная с 1912 г., в ряде высших учебных заведений Германии ограничительных мер против имматрикуляции выходцев из Восточной Европы⁶.

Следующим этажом (и сегментом) этого преимущественно западноевропейского академического рынка была система последипломной подготовки ученых и защита докторских диссертаций (теперь уже зачастую в менее развитых в своих университетах областях и направлениях исследований); к этому, безусловно, относилась и система направляемых за границу российских профессорских стипендиатов. В Германию устремлялось большинство готовившихся к профессорскому званию выпускников университетов (всего до 1914 г. в заграничные командировки отправлялось около 10–15 % от всех, оставляемых при университетах). По проекту министра просвещения Льва Кассо с 1911 г. в Европе создавались специальные институты для подготовки русских кандидатов в профессора, главным образом, именно в Германии⁷. Главной заботой при этом была не декларируемая европеизация качества постдипломной подготовки, а изоляция будущих профессоров от радикальной студенческой среды и политической сферы вообще (после событий в Московском университете в 1911 г.) — против этой меры выступала и Академия наук в мае 1911 г. Однако начавшаяся война показала непродуманность такого «изолирующего» начинания.

Начало военных действий сразу же поставило вопрос о пребывании поданных враждебных держав в академиях и научных коллегиях тех или иных стран⁸. Уже 31 октября 1914 г. по высочайше утвержденно-

⁶ См., помимо прочего: «Schnorrer, Verschwörer, Bombenwerfer?» Studenten aus dem Russischen Reich an deutschen Hochschulen vor dem 1. Weltkrieg / Hg. H. R. Peter. Frankfurt am Main, 2001.

⁷ См.: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 733. Оп. 155. Д. 206–210. В составе этих стипендиатов были известные в будущем ученые, в частности, зоолог Д. Кашкаров и астроном В. Фесенков. Кратко этот вопрос рассмотрен в кн.: *Галкин К.Т.* Подготовка научных кадров в СССР. М., 1958. С. 70–71.

⁸ Подробнее о европейских интеллектуальных кампаниях в связи с войной и о позиции ученых см.: *Мобилизация интеллекта: Международное научное сообщество и Первая мировая война // Интеллигенция в истории: Образованный человек в социальных представлениях и действительности.* М.: РАН, 2001. С. 296–335.

му заключению Совета министров из всех организаций должны были исключить граждан Германии и Австро-Венгрии, что и было проведено в университетах уже в ноябре 1914 г. В начале марта 1915 г. на страницах полуофициозной консервативно-националистической газеты «Новое время» был поставлен вопрос не только об иностранных членах Академии, подпадавших под действие этого постановления, но и о недостаточном патриотизме российских ученых немецкого происхождения. В частности, Николай II после очередного выступления «Нового времени» выражал свое неудовольствие министру просвещения П.Н. Игнатьеву в связи с тем, что Академия продолжает печатать некоторые работы на немецком языке⁹.

Академики довольно долго противились огульному исключению своих коллег по признаку «государственной принадлежности». 4 марта 1915 г. из Императорской академии, вслед за действиями французских академий, были исключены авторы «Воззвания 93-х». И только 6 (19) февраля 1916 г. под прямым и настойчивым давлением правительства на заседании императорской академии были исключены все австрийские и немецкие подданные, кроме лиц славянских национальностей (всего 51 ученый)¹⁰. Это формальное решение было отменено (по инициативе Сергея Ольденбурга и Физико-математического отделения) Общим собранием Академии наук 6 ноября 1920 г.¹¹

Под редакцией социолога Максима Ковалевского в 1916–1917 гг. выходил сборник «Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию», со статьями А. Веселовского, Н. Кареева, Е. Тарле, искусствоведа А. Сидорова, Э. Гримма, будущего сменовеховца Ю. Ключникова и др. (всего вышло три выпуска из предполагавшихся четырех). В ходе начавшейся коллективными манифестами «войны духа» лишь немногие русские гуманитарии переводили межгосударственный конфликт в метафизическую плоскость. Еще до войны консервативный философ Владимир Эрн противопоставлял русский (восточнохристианский) православный поиск Абсолюта и немецкий (по сути — западный) рационализм,

⁹ *Соболев В.С.* Августейший президент. Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. СПб., 1993. С. 77.

¹⁰ Из публикаций последнего времени по этой теме отметим: *Басафгина Е.Ю.* Вице-президент Императорской Академии наук П.В. Никитин. СПб., 2004. С. 259–270.

¹¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — ПФА РАН). Ф. 1. Оп. 1-1920. Д. 8. Л. 3.

а вскоре после ее начала выступил с докладом под символическим названием «От Канта к Круппу»¹². Эта смесь антимодернизма и антизападничества вовсе не была специфически русской: тот же комплекс идей характерен, например, для «Размышлений аполитичного» Томаса Манна, написанных как раз во время Первой мировой войны¹³.

После устройства в Лондоне School of Slavonic Studies в конце 1915 г.¹⁴ Министерство просвещения в марте 1916 г. через генеральное консульство в Лондоне и британского посланника инициировало обсуждение программы расширения академического сотрудничества союзников, главным образом с Англией. В начале апреля 1916 г. Министерство народного просвещения запросило Советы университетов и Академию наук о предлагаемых ими мерах по научному сближению с Англии и Францией¹⁵. В основном, предложения сводились к расширению преподавания английского языка в школах и университетах, к росту числа взаимных поездок ученых (в особенности молодых), организации экспедиций на территории двух империй и ознакомлению о работе друг друга через конференции, расширение книгообмена, библиографии и печатания научных статей в периодике англичанами в России и русскими в Англии¹⁶. Подготовку этих решений вплоть до марта 1917 г. курировал заместитель министра просвещения профессор зоологии Владимир Шевяков. Отклики университетских кругов и членов Академии¹⁷ относительно планов интеллектуального сближения с Англией и союзниками (материалы Российского государственного исторического архива и Архива Академии наук) — ценный материал для анализа взглядов и намерений российской академической элиты во время Первой мировой войны.

В контактах представителей русской и английской общественности научные задачи переключались с политическими целями. Летом 1916 г.

¹² *Голлербах Е.А.* К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000. С. 247–259.

¹³ *Beßlich B.* Wege in den «Kulturkrieg». Zivilisationskritik in Deutschland 1890–1914. Darmstadt, 2000. S. 302–330.

¹⁴ *Hughes M., Pares B.* Russian Studies and the Promotion of Anglo-Russian Friendship, 1907–14 // *The Slavonic and East European Review*. 2000. Vol. 78. P. 510–535; *Roberts I.W.* History of the School of Slavonic and East European Studies, 1915–1990. London, 1991.

¹⁵ РГИА Ф. 733 Оп. 156 Д. 764, Л. 140–141, 149–151.

¹⁶ РГИА Ф. 1129. Оп. 1. Д. 46.

¹⁷ См.: РГИА Ф. 733 Оп. 156. Д. 764. Л. 58–70.

ведущий историк Петербургской академии наук А.С. Лаппо-Данилевский вместе с коллегами и видными представителями кадетской думской оппозиции Павлом Милюковым и Петром Струве (а также польским журналистом-русофилом Романом Дмовским) посетили Англию. Им были торжественно вручены дипломы почетных докторов права Кембриджского университета, что стало одним из свидетельств сближения союзников не только в военной или экономической области, но также в культурной и научной¹⁸. Речь Лаппо-Данилевского об истории науки и образования в России была опубликована затем в специальном издании для ознакомления английской публики с проблемами внутренней политики важнейшего союзника по Антанте и с настроениями российской общественности¹⁹. Английские историки еще в мае 1915 г. также посетили Академию наук в Петербурге. В ходе этого визита обсуждалась также реализация идеи создания многотомного труда по истории и культуре России на английском языке, предназначенного для издательства Macmillan & Co (по инициативе профессора Ф.А. Голдера). Редактором этого труда должен был стать Лаппо-Данилевский, а авторами — С.Ф. Платонов, С.И. Рождественский, М.Д. Приселков, А.А. Шахматов и другие видные русские историки²⁰. Значительную роль в налаживании русско-английских научных связей в первые десятилетия XX в. сыграл историк и правовед П.Г. Виноградов (профессор в Оксфорде с 1903 г.). Виноградов выступал с лекциями и статьями о России (одна из них была перепечатана в серии «Оксфордских памфлетов»), посещал с 1914 г. ежегодно Россию, являлся почетным секретарем Комитета помощи русским узникам войны, а с 1916 г. после смерти М.М. Ковалевского становится председателем Исполкома Общества английского флага (Русско-английского общества в Санкт-Петербурге)²¹.

¹⁸ См.: Русский сезон в Кембридже // Речь. 24 августа 1916 г. № 232. С. 2.

¹⁹ The Development of Science and Learning in Russia // Russian Realities and Problems / Ed. J.D. Duff. Cambridge, 1917. P. 153–229.

²⁰ Подробнее см.: *Гараторкин Ф.Г.* А.С. Лаппо-Данилевский и проект создания «Истории России» на английском языке (1915–1918) // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996.

²¹ *Антощенко А.В.* Московский ученый за рубежом: Гарвардская коллекция материалов архива академика П.Г. Виноградова // Археографический ежегодник. 1997. М., 1997. С. 294–295; *Parker Ch.* Pavel Vinogradoff, the Delusion of Russian Liberalism and the Development of Russian Studies in Britain // The Slavonic and East European Review, 1991. Vol. 69. P. 40–59.

Особенно перспективной и долгосрочной обещала быть идея создания в Европе целого ряда посредничавших Русских институтов. И если в 1916 г. основные мероприятия по сближению ориентированы на Англию, то с весны 1917 г. на первое место выходит Франция. В Париже предполагалось открыть нечто напоминающее Французский институт в Петербурге (начавший работать в 1911 г. под руководством слависта Жозефа Патуей) — конспекты из «*Revue Internationale de l'Enseignement*», «*Revue Scientifique*», «*Minerva*» в архиве Лаппо-Данилевского в соответствующем деле подтверждают внимательное отношение русских ученых к опыту аналогичных институций для представительства своей науки за границей²². В октябре 1917 года с этой же целью на уровне посланников, представителей Министерства просвещения и Министерства иностранных дел готовилась поездка Ольденбурга, Вернадского и Лаппо-Данилевского в Париж на три месяца по линии Академии наук²³. Наряду с идеей воссоздания Русской высшей школы общественных наук летом 1917 г. в Париже, эти проекты устройства русских академических организаций-представительств обсуждался Ростовцевым и Ольденбургом вплоть до окончания Гражданской войны как в России, так и в эмиграции (эти идеи были отчасти воплощены в работе парижского *Institut des Études Slaves*²⁴).

Специально к Всемирной выставке в Сан-Франциско в 1915 г. Министерством общественного образования и культуры Франции был подготовлен итоговый сборник «Французская наука» (при участии Эмиля Дюркгейма, Анри Бергсона и др.). Этот фундаментальный сборник содержал обзор состояния всех научных дисциплин страны. Он послужил примером для Лаппо-Данилевского, поставившего в связи с предложениями о сближении с Англией вопрос о подготовке в 1916–1917 гг. аналогичного сборника «Русская наука» объемом более 100 печатных листов (а также о переводе его на английский и французский языки). Из этого начинания затем выросла Комиссия по истории знаний при Академии наук и далее пошла институционализация историко-научных

²² См.: ПФА РАН Ф. 113. Оп. 2. Д. 86.

²³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 2315. Оп. 1. Д. 12.

²⁴ *Espagne M.* Le paradigme de l'étranger. Les chaires de littérature étrangère au XIXe siècle, Paris, 1993. P. 344–349; *Bernard A.* Les traits caractéristiques de l'Institut des études slaves à ses débuts // Ed. A. Bernard. L'Histoire de la slavistique. Le rôle des institutions. Paris, 2003. P. 106–121.

исследований в России вообще²⁵. Точно также вопрос о подготовке для союзников библиографии и справочника о действующих ученых России (по образцу указателя «*Minerva*») по инициативе Ольденбурга завершился созданием важного справочника «Наука и ученые в России» уже в самом начале 1920-х гг.²⁶

Вопрос о расширении преподавания английского языка и высвобождении из-под немецкого интеллектуального влияния был вызван тем, что в России главным языком научного общения оставался тогда именно немецкий. С начала 1916-1917 учебного года на нем было запрещено (распоряжением Совета министров от 12 июля 1916 г.) вести преподавание на всей территории империи во всех учебных заведениях, включая университеты²⁷.

Укрепление научных связей между странами Антанты в период войны — координация исследований, обмен важнейшими результатами и изобретениями, командировки ведущих специалистов были помимо пропагандистско-идеологических факторов обусловлены практически нуждами восполнения потребностей военной отрасли в оптических приборах, химических веществах, средствах для воздушной и подводной войны, лекарствах и т.д. Химическая отрасль, нужды военной промышленности и медицины стали областью реализации научного знания и экспериментального метода. В ходе Первой мировой войны русские академические круги меняли ориентир не с германской науки на союзническую, а на самостоятельное научное развитие. Это был не государственный патриотизм или спиритуальный национализм в мандаринском духе. Скорее, государство понималось русскими академическими интеллектуалами как по необходимости (*reluctant*) самый оптимальный организатор и одновременно гарант научной деятельности, интернациональной, по сути, и граждански-национальной по социальному адресу. Именно поэтому далее я сосредоточусь в основном на министерских и правительственных реформах «сверху» периода Первой мировой

²⁵ Подробнее см.: *Тункина И.В.* К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сборник документов / Сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина. 2003. С. 637–659; *Есаков В.Д.* Неосуществленный проект Академии наук // Вест. РАН. 1997. Т. 67. № 12. С. 1129–1139.

²⁶ ПФА РАН Ф. 2. Оп. 2-1916. Д. 44. Л. 62–63; *Соболев В.С.* Для будущего России. СПб., 1999. С. 171–185.

²⁷ См.: История российских немцев в документах (1763–1992). М., 1993. С. 200.

войны в университетском вопросе, так как именно эта сторона всей академической жизни (в отличие от изменений в среде студенчества или организации науки) осталась наименее изученной в исследовательской литературе.

Война как пусковой механизм реформ?

Формально законодательной основой университетской жизни весь описываемый период оставался весьма консервативный Устав 1884 года, принятый в период правительственной реакции после убийства Александра II. Вопреки предыдущему либеральному Уставу 1863 года времени освобождения крестьян и «Великих реформ», этот руководящий документ лишал университетские коллегии самостоятельности (в частности, права выбора ректоров) и всецело отдавал власть в университете Министерству народного просвещения в лице попечителей соответствующих учебных округов. Студенческие волнения рубежа веков подтолкнули к пересмотру самых очевидных «надзирательных» сторон этого документа в пользу большей автономии университетской жизни. С 1901 г. берет начало длинный ряд дискуссий (с участием и по инициативе руководителей Министерства народного просвещения) о новых началах университетского самоуправления. При этом важное внимание уделялось как соответствующему зарубежному опыту, так и учету мнений самих университетских корпораций, в первую очередь, профессоров. Высшей точкой поворота лицом к университетам стал кризисный период 1905–1906 гг., когда министром просвещения был граф Иван Иванович Толстой, будущий городской голова Петрограда времени Первой мировой войны²⁸. Многие пункты Устава 1884 года были фактически отменены Временными правилами управления университетами (принятые 27 августа 1905 г.), которые возвращали во внутриуниверситетскую жизнь выборное начало — самостоятельное избрание ректора и деканов профессорами²⁹. Инициативы Толстого были, во многом, продолжены и подхвачены руководством Министерства просвещения как раз во время Первой мировой войны. Противоположным, консервативным полюсом университетской политики правительства была деятельность послереволюционных министров просвещения и университетских профессоров: классика Александра

²⁸ См. также: *Толстой И.И.* Мемуары. М., 2001.

²⁹ *Иванов А.Е.* Высшая школа в России начала XX века. М. 1991.

Шварца (1907–1910 гг.) и особенно юриста Льва Кассо (1911–1914 гг.). При Шварце был разработан обширный новый проект Устава, который закреплял и модифицировал положения Устава 1884 года с учетом политических перемен и академической практики его применения, однако этот проект был отозван при Кассо из Государственной Думы³⁰. На бумаге, таким образом, статус-кво (одновременное действие устава 1884 и временных правил 1905 г.) сохранялся и далее; зато реальная политика Кассо, как министра, была почти провокационной и вызывающе консервативной: особенно громким был скандал вокруг Московского университета в 1911 г., в результате которого вслед за уволенным ректором университет покинули еще несколько десятков профессоров и приват-доцентов из числа наиболее известных и либерально ангажированных ученых. Вообще либеральной настрой большинства преподавательского корпуса («зажатого» между Сциллой преобладавшего правительственного консерватизма и Харибдой студенческого радикализма) был важной константой российской университетской жизни первых десятилетий XX в. Этому леволиберальному мейнстриму противостояло немногочисленное, но довольно сплоченное консервативное меньшинство (из которого часто рекрутировались почитатели или крупные чиновники Министерства народного просвещения, ведавшие высшей школой). Левые, социалистические взгляды были представлены или одиночными фигурами, или скорее умонастроениями junior faculty — приват-доцентов из более молодого, чем либеральные «отцы»-профессора, поколения³¹. Среди студенчества левые симпатии и до, и после революции 1905 г. господствовали почти безраздельно, а «академисты» (консерваторы из молодых дворян, очень близкие к немецким студенческим корпорациям) оставались в явном меньшинстве. Эту идейную и программную расстановку сил следует учитывать, чтобы понять, почему и как в 1915–1916 гг. в правительственной политике в отношении университета возобладал не консервативный курс (в духе Кассо и Шварца), а скорее либеральная программа (в стиле графа Ивана Толстого).

Персональным воплощением этой политики стала фигура нового министра просвещения, назначенного Николаем II в январе 1915 г.

³⁰ См.: *Spieler S.* Autonomie oder Reglementierung. Die russische Universität am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Köln; Wien, 1981. S. 124–187.

³¹ *Maurer T.* Hochschulelehrer im Zarenreich: Ein Beitrag zur Russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar; Wien, 1998. S. 615–640.

(спустя несколько месяцев после смерти Кассо) — графа Павла Николаевича Игнатъева (1870–1945), выходца из семьи самой высокопоставленной бюрократии, в прошлом киевского губернатора и соратника Алексея Кривошеина по Министерству земледелия³². (Сам Кривошеин, в свою очередь, был правой рукой покойного премьера Петра Аркадьевича Столыпина в деле аграрных реформ.) На назначение Игнатъева, весьма далекого от академической жизни и ведомственных интересов Министерства народного просвещения, вероятно, повлияла его личная близость к императору во времена молодости. В условиях нараставшего уже со второй половины 1915 г. расхождения исполнительной власти с думской оппозицией Игнатъев оставался (вместе с министром иностранных дел Сазоновым или морским министром Григоровичем) одной из немногих фигур, вполне приемлемых для либеральных кругов, соединяя правительство и парламент, две стороны российской политической жизни того периода. Фамилия Игнатъева, участника так называемой «министерской забастовки» против сверхреакционного премьера Ивана Горемыкина весной 1915 г., значилась даже в нескольких ориентировочных списках ответственного (перед Думой) министерства или кабинета общественного доверия, создания которого оппозиционные круги тщетно ожидали от Николая II³³. То, что Игнатъев сумел сохранить свой пост почти до самого конца режима, в условиях так называемой министерской чехарды, может объясняться потребностью исполнительной власти и самого императора, хотя бы формально сохранять видимость продолжения того курса на «священное единение» всех слоев общества в условиях войны, который был декларирован еще в начале осени 1914 г. На фоне углубления правительственного кризиса реформаторская деятельность Игнатъева виделась отрадным исключением в общей негативной тенденции «загнивания верхов». К этому «личному» фактору новой образовательной политики, помимо министра Игнатъева следует добавить и товарища министра по делам высшей школы профессора-зоолога Владимира Тимофеевича Шевякова (члена-корреспондента Академии наук), руководителя отвечавшего за университетские дела министерского департамента Павла Сурина и его заместителя Николая Палечека. Несмотря на то,

³² Куликов С. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 83–99, 444.

³³ Игнатъев П. Совет Министров в 1915–16 годах (Из воспоминаний) // Новый журн. 1944, № 9. С. 276–277.

что трое последних продолжали свою карьеру и при Кассо, они обеспечили реформаторским начинаниям нового министра необходимую поддержку на уровне административной и управленческой рутины. Об этом, в частности, свидетельствует достаточно теплая по тону и характеру переписка Игнатъева и Шевякова, сохранившаяся в Российском государственном историческом архиве³⁴. Сурин и Палечек продолжали активно работать в министерстве вплоть до осени 1917 г.³⁵

В университетском вопросе главными путями реализации реформаторских начинаний были, во-первых, подготовка нового устава, начатая уже вскоре после назначения Игнатъева, а во-вторых, расширение и видоизменение самой системы российских университетов в связи с потребностями и задачами военного времени.

Новый проект Устава обсуждался довольно долго, с необычайно широким привлечением и университетской общественности и государственных деятелей. Сначала предварительный вариант был разослан в июне 1915 г. по университетским советам для отзыва. Одновременно состоялось первое обсуждение этого проекта на специальном совещании под председательством Шевякова с участием попечителей университетских округов и ректоров университетов (окончательные формулировки ставились на голосование с последующим визированием всего текста проекта министром)³⁶. Именно Шевякову (вместе с Палечеком) принадлежала ведущая роль в разработке этого пакета документов: проекта устава, объяснительной записки к нему, обосновывавшей появление этого документа, нового штата российских университетов (с увеличенными окладами!) и объяснительной записки к нему. Второе обсуждение переработанного варианта проходило в декабре 1915 г. с участием представителей законодательных учреждений: Госдумы и Государственного совета (причем среди участников совещания были профессора М. Новиков, А. Васильев, М. Ковалевский, известные думские деятели А.И. Шингарев и Е.П. Ковалевский и др.). Наконец, перед внесением в Совет министров этот вопрос обсуждался в марте 1916 г. с представителями ведомств, от военного и юстиции до Казначейства и Министерства земледелия. В итоге, одобренный Советом министров на заседании 9 августа 1916, окончательный проект устава с сопровождающими документами 5 ноября 1916 г. был отправлен в Государственную

³⁴ РГИА. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 107.

³⁵ *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921. Киев, 1994. С. 39.

³⁶ Детальнее всего ход совещаний представлен в: РГИА. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 52.

думу; однако вскоре Февральская революция дала иной порядок управления университетской сферой, и некоторые важные положения этого игнатьевского проекта были проведены в жизнь уже при новом политическом строе³⁷.

Важнейшими изменениями, согласно этому проекту, было закрепление принципа выборности ректора и расширение полномочий Совета (коллегии всех профессоров данного университета), что, безусловно, отвечало начинаниям графа И. Толстого периода первой русской революции и закрепляло окончательно соответствующие положения Временных правил 27 августа 1905 г.

Уже на первом из совещаний была коренным образом изменена предлагаемая формулировка одной из начальных статей устава, касавшаяся власти попечителя учебного округа. В окончательном проекте все университеты были подчинены министерству напрямую. Попечитель остался чисто вспомогательной фигурой, к услугам которого министр просвещения мог прибегать в университетских делах в случае надобности.

Основной задачей университета была определена подготовка высококлассных специалистов в той или иной сфере наук, а не государственных чиновников. Игнатьев решительно настаивал на отмене привязки университетского диплома к Табели о рангах (раньше выпускник автоматически получал звание коллежского или губернского секретаря — чин X или XII класса). Министр даже заручился безусловной поддержкой Николая II в этом вопросе³⁸. И здесь установки высших чиновников (в частности статс-секретаря А.С. Танеева на заседании Совета министров в августе 1916 г.) решительно расходились с демократическими намерениями нового министра.

В новом уставе был проведен принцип единоначалия ректора и вручения ему дисциплинарной власти в университете (двухлетний срок его полномочий по первоначальному варианту был на первом совещании увеличен вдвое). Такие преимущества ректора относительно Совета были критически оценены в ряде университетских замечаний на проект устава (в частности, в отзыве коллегии Казанского университета) и затем, уже при обсуждении недостатков этого проекта после февраля 1917 г.

Учебный план на медицинском факультете предусматривал 5 лет обучения, на восточном — 4 года, на всех прочих — 3 года (ст. 73 окончательного проекта). Такое сокращение курсов, разбитых на основной

³⁷ См.: *Kassow*. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. P. 289–300.

³⁸ *Куликов С.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 231.

и специальный отделы, было, несомненно, связано с войной, желанием увеличить выпуск специалистов и сократить число «вечных студентов». Указанные сроки определяли минимальный объем чтения всех необходимых для получения диплома предметов, а не сам срок учебы.

Вместо двух степеней — магистра и доктора — предусмотрена была единая ученая степень доктора (необходимая для занятия любой преподавательской должности). Эти пункты (5 и 6) также были встречены в университетской среде неоднозначно; критическим было отношение к этим предложениям и Академии наук³⁹.

На место прежней практики назначения экстраординарных профессоров был введен институт доцентуры — как штатной ступени (в отличие от приват-доцентов, чье существование и полномочия были подтверждены) на пути к полному профессорскому званию. Была ликвидирована вызывавшая множество нареканий гонорарная система оплаты в зависимости от количества слушателей на занятиях, приводившая к разительной диспропорции доходов преподавателей, к примеру, юридического факультета, с одной стороны, и восточного — с другой.

В качестве слушательниц в университеты были допущены (с разрешения Совета) и женщины, но это был только еще один из первых и очень робких шагов на пути к действительному равноправию в получении высшего образования. 28–30 июня 1915 г., по представлению Игнатьева, Совет министров одобрил прием женщин на физико-математический факультет в Казанском университете, медицинский — в Томском и Саратовском, на юридический — в Томском университете.

В целом, весьма позитивной была реакция на проект нового устава и общие начинания министра в прессе (особенно показателен, помимо газетных выступлений ряда московских и провинциальных профессоров, также большой очерк положений нового устава ректора Петроградского университета Эрвина Гримма в двух номерах либерально-респектабельного журнала «Русская мысль»)⁴⁰.

Одним из главных административных предложений проекта, который начал реализовываться уже по мере его обсуждения, стало создание Совета по делам высших учебных заведений при министре народного просвещения (его курировал, а также чаще всего председательствовал на его заседаниях товарищ министра по делам высшей школы — Шевяков).

³⁹ ПФА РАН Ф. 2. Оп. 1-1915. Л. 36, 201–202, 237–238об.

⁴⁰ Гримм Э.Э. Организация университетского преподавания по проекту нового устава // Русская мысль. 1916. № 4. С. 109–122. № 5. С. 52–67.

В Совет в качестве постоянных членов входили, помимо руководителей Департамента народного просвещения и Отдела промышленных училищ Министерства, попечитель Петроградского учебного округа, ректоры Петроградского университета, петроградских Технологического и Женского медицинского институтов. Совет создавался для объединения управления всеми институтами ведомства МНП, а также для предварительного обсуждения нормативных документов и постановлений, регулировавших жизнь высшей школы. Он фактически заменил собой попечителей и, соединяя в себе централизующее и коллегиальное начало, выгодно отличал новый этап министерской политики от индивидуалистского и одновременно авторитарно-бюрократического стиля Шварца и, особенно, Кассо. Положение о Совете было утверждено Николаем II 22 марта 1916 г., и до конца этого года целый ряд его заседаний был посвящен насущным вопросам университетской жизни⁴¹. Прежде всего, это был крайне важный в условиях войны вопрос об открытии новых университетов, а значит и о подготовке столь нужных для фронта и народного хозяйства специалистов: врачей, химиков, ветеринаров и др. К началу войны в России существовали 10 университетов: в Москве, Петрограде, Казани, Киеве, Харькове, Одессе, Томске, Саратове, Варшаве и Юрьеве (Тарту, Дерпт); из них Саратовский открылся только в 1910 г., а два последних оказались в прямой близости от фронта военных действий вскоре после начала войны. В России война особенно болезненно подчеркнула нехватку специалистов с высшим образованием и педагогов для растущей сети средних школ (именно Игнатьев впервые поставил вопрос о всеобщем неполном среднем образовании как о цели правительственной политики). Наряду со специальными высшими учебными заведениями, только открытие новых университетов и расширение прежних могли помочь разрешению этих задач. Из организационных проектов периода войны стоит отметить инициативу по созданию специального химического отделения при физико-математических факультетах (в Петрограде и Харькове), а также о безуспешных попытках открытия медицинского факультета в составе Петроградского университета — вплоть до осени 1917 г.

12 июля 1916 г. в Совете министров был положительно рассмотрен вопрос об открытии новых учебных заведений, на основе подробного представления (21.06.1916) и всеподданейшего доклада (13.06.1916) Игнатьева по этому вопросу, одобренного Николаем II. Следует особо

⁴¹ РГИА Ф. 733. Оп. 156. Д. 639. (статут Совета см. Л. 22–22об.).

отметить, что, при всем внешне абсолютно лояльном характере, планы Игнатьева фактически отменяли и пересматривали указания императора о достаточном количестве уже существовавших университетов (2 апреля 1912 г.), и даже непосредственную резолюцию Николая II о желательности открытия новых учебных заведений, по примеру Англии, в менее крупных городах (30 июня 1916 г.). Совершенно очевидно, что император руководствовался при этом политическими соображениями стабильности режима, для которого студенты были опасным революционным элементом. Игнатьев и его сотрудники, исходя из действительных потребностей воюющей страны, предлагали дополнить историко-филологическим и физико-математическим факультетами Саратовский и Томский университеты (до этого в Саратове действовал только медицинский, а в Томске — юридический факультеты). Также предполагалось при полном содействии городских муниципалитетов открыть в полном комплекте факультетов два новых университета: в Ростове-на-Дону на основе эвакуированного Варшавского и в Перми (вначале как отделение Петроградского университета)⁴². Вопреки резолюции Николая II, это были довольно крупные центры Прикавказского и Урало-Вятского регионов, весьма нуждавшихся в подготовке квалифицированных местных кадров. Следующими центрами, где по планам дальнейшего университетского строительства (записка Н. Палечека о ближайших задачах Министерства народного просвещения в области высшего образования февраля 1915 г.) предполагались Тифлис в Закавказье, Иркутск в Восточной Сибири и Ташкент в Средней Азии. Показательно, это все были территории не европейской части страны, где потребность в университетах была весьма высока, и местные гимназии вместе с реальными училищами обеспечивали достаточное количество абитуриентов. Списки городов-кандидатов на открытие университетов рассматривались также особым совещанием при министре просвещения в конце апреля — мае 1915 г. (с участием попечителей, ректоров университетов и ряда профессоров). Затем практические мероприятия по открытию Пермского университета перешли в ведение упомянутого ранее Совета по делам высших учебных заведений. Во второй половине 1916 г. главными его заботами были вопросы о комплектовании студентами существовавших российских университетов, меры помощи медицинских факультетов потребностям фронта

⁴² См. подробнее: *Данилов А.Г.* Интеллигенция Юга России в конце XIX – начале XX века. Ростов-на-Дону, 2000.

и проблемы дополнительного финансирования университетов в связи с резким вздорожанием жизни.

С начала 1916/1917 учебного года в связи переполненностью студенческого состава центральных университетов, особенно Петроградского, решено было записывать на первый курс университетов только абитуриентов из соответствовавших учебных округов. Процентная норма приема лиц иудейского вероисповедания также была распространена с лета 1916 г. не только на государственные, но и на общественные и частные вузы. Ведь именно туда устремился основной поток евреев, имевших до войны возможность получать высшее образование за границей, преимущественно в Германии. Это особенно болезненно сказалось на работе такого крупного центра, как Психоневрологический институт в Петрограде (деятельность негосударственной высшей школы, в том числе Московского народного университета им. А.А. Шанявского, регулировалась законом от 1 июля 1914 г.). Материальное положение преподавателей хотя и было несколько поправлено новым законом об улучшении состояния преподавателей от 3 июля 1916 г., но инфляция быстро сводила на нет эти прибавки, а новый проектируемый штат (в приложении к игнатьевскому проекту устава) с повышенными преподавательскими ставками так и не вошел в действие. Помимо вздорожания жизни, новых репрессивных мер в связи с ростом студенческого движения в 1915–1916 гг., особенно чувствительными для студенческого корпуса были мобилизации, проводимые Военным министерством (после отмены отсрочек для студентов университета постановлением Совета министров от 30 сентября 1914 г.).

Реформаторские устремления Игнатьева в условиях перманентного кризиса «верхов» с нарастанием тенденции к прямому «охранительству» самодержавных устоев привели, в конце концов, к его отставке в декабре 1916 г. Ориентация Игнатьева на широкую связь с думскими кругами, свобода от борьбы университетских партий позволила ему реализовать за два года своего пребывания во главе министерства практически весь возможный либерально-реформаторский потенциал исполнительной власти, неизменно присущий ей в качестве дополнения к ее основной, охранительно-административной функции. Занявший место Игнатьева бывший профессор-медик, консервативный попечитель Петроградского учебного округа Николай Кульчицкий ничем заметным за два оставшихся царскому режиму месяца себя не проявил⁴³.

⁴³ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1912. Библиографический справочник. СПб., 2001. С. 345–346.

Университетский вопрос и революция

Первым министром просвещения Временного правительства стал бывший ректор Московского университета, уволенный Кассо в 1911 г., экономист и правовед Александр Мануйлов, член руководства кадетской партии и председатель Экономического совета Всероссийского совета городов с 1914 г. Мануйлов решительно поддержал программу автономизации высшей школы. Его циркуляром от 15 апреля 1917 г. факультетам была предоставлена возможность самостоятельно решать порядок замещения вакантных должностей, без последующего утверждения министерством⁴⁴.

Главным центром разработки новых мер по управлению университетами стала созданная по инициативе депутата Госдумы либерального профессора-зоолога Михаила Новикова Комиссия по реформе высших учебных заведений, начавшая заседать под его председательством с 21 марта 1917 г. (ее членами были Вернадский, непрременный секретарь Академии Ольденбург, ректор университета Гримм, историк Гревс и другие профессора). Всего до октября 1917 г. прошло 40 заседаний этой комиссии⁴⁵. Она приняла, на себя фактически в сильно расширенном виде все полномочия Совета по делам высших учебных заведений 1916 г. С августа в ее заседаниях участвовали также несколько представителей возрожденного Академического союза — профессиональной организации ученых и преподавателей, созданной в годы революции 1905–1907 гг. Одним из самых острых среди обсуждаемых был вопрос о месте студентов в управлении высшими учебными заведениями (общесоциальные права студентов были закреплены законом от 24 июня 1917 г.). Здесь сказывалось скрытое противостояние «старших» радикальным стремлением студенчества к «прямой демократии», а также желание профессоров сохранить свои полномочия в учебных делах и только что обретенную решающую роль в жизни университета. Сохранившиеся протоколы отражают, в частности, позицию Вернадского (с августа — товарища министра просвещения по высшей школе и научным учреждениям), признавшего необходимость компромисса в этом вопросе. Он, в частности, указал на связь движения студентов за представительство при обсуждении университетских дел с новыми политическими явлениями, вроде советов рабочих и солдатских депутатов.

⁴⁴ Журн. Министерства народного просвещения. 1917. Т. 71. № 10. С. 73–75.

⁴⁵ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 278.

Радикально демократические и эгалитарные устремления созданного в конце апреля 1917 г. для поддержки реформ снизу Государственного комитета по народному образованию резко разошлась с осторожной позицией Мануйлова и министерских чиновников, которые скорее следовали за переменами политических событий и не желали скоропалительных и неподготовленных преобразований в своей сфере⁴⁶. Сотрудничество с этим представительным общественным органом было налажено лишь при следующих министрах — Сергее Ольденбурге с июля по сентябрь 1917 г. и профессоре-медике, уволенном Кассо с поста директора Женского медицинского института, общественном деятеле Сергее Салазкине, занимавшем это пост всего месяц, с 25 сентября по 25 октября 1917 г.

В основном, решения Комиссии по реформе высших учебных заведений продолжали и закрепляли инициативы времен Игнатьева: введение должности доцентов в университетах, создание дополнительных факультетов в университетах Саратова и Томска, учреждение Пермского университета, обсуждение планов университета в Тифлисе и Ташкенте. Университеты получили также право самостоятельно устанавливать свою структуру, в том числе и открывать новые факультеты. В сентябре 1917 г. по инициативе Вернадского в связи с некомплектом кафедр в университетах было разрешено замещать вакансии, не требуя необходимых по прежнему уставу степеней (ранее подобная льгота действовала только для самого географически отдаленного Томского университета). Представленные на обсуждение Комиссии по реформе высших учебных заведений 24 октября 1917 г. обширные записки Н. Палечека рисовали весьма многоплановые перспективы строительства сети университетов (свои предложения он обосновывал как экономическими соображениями, так и статистическими выкладками состояния средней школы в регионах). При этом речь шла уже не только о чисто научном назначении университета, но и об университетах нового типа, со значительной поддержкой со стороны местного самоуправления и наличием в их составе политехнического, промышленно-технологического или иного «прикладного» факультета⁴⁷.

⁴⁶ *Смирнов Н.* Государственный комитет по народному образованию (история создания и деятельности) // Петроградская интеллигенция в 1917 году. Л., 1990. С. 4–22.

⁴⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 292. Л. 16–30. Ср.: Ф. 733. Оп. 156. Д. 561. Л. 126–128об.

Октябрьские события 1917 г. большинство университетских преподавателей встретили враждебно. В Петрограде Совет университета присоединился к протестам Академии наук и прочих ведущих научных и образовательных учреждений города по поводу захвата власти большевиками. Забастовки служащих Министерства просвещения (во главе с товарищем министра и видной деятельницей партии кадетов графиней Софьей Паниной) и попытки бойкота новой власти университетскими кругами в последние месяцы 1917 г. не возымели действия в условиях системного политического и экономического кризиса. 20 ноября 1917 г. декретом Совета народных комиссаров Государственный комитет по народному образованию, не поддержавший переворот, был распущен. Вскоре после II Съезда Советов начали работать новый Наркомат просвещения во главе с А.В. Луначарским и Государственная комиссия по просвещению, но глава отдела автономных высших учебных заведений в этих инстанциях — большевик И. Егоров (студент историко-филологического факультета Петербургского университета в начале 1910-х гг.) фактически не стал, да и не мог вмешиваться в конкретные дела высшей школы. Только после решений III Съезда Советов (январь 1918 г.) началась подготовка реальных шагов по преобразованию высшей школы⁴⁸. Осуществленные советским правительством и Наркомпросом радикальные мероприятия, касавшиеся максимального упрощения правил приема, полного уравнивания в правах всех преподавателей высшей школы и ликвидации ученых степеней, пройдут уже летом–осенью 1918 г. (параллельно с двумя широкими совещаниями по реформе высшей школы). Тем самым, новой властью были не только развиты и превзойдены, но и во многом переиначены и даже искажены важные реформаторские попытки 1914–1917 гг. Из-за решающих политических перемен Февраля, а затем и Октября 1917 г. инициативы военного времени по демократизации высшего образования, расширению его географической сети и росту взаимодействия с хозяйственной и социальной жизнью страны были реализованы уже в принципиально иных политических и социальных условиях.

---

⁴⁸ Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы (1917–1938). Уфа, 1973. С. 85–105; Смирнова Т.М. История разработки и проведения в жизнь первого советского устава высшей школы // Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и СССР. М., 1979. С. 7–38.